

КУЛЬТУРА КАК ПОЛЕВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

© 2014

А.А. Пелипенко

О полевой природе культуры и смысла пишут довольно часто. Иногда эти идеи даже включают в работы обзорно-реферативного жанра. “Смысл ведет себя как полевое образование, а логика находится в русле синтагматических отношений. Смысл приспособливает любую форму под свои функции, его главная интенция — быть выраженным, а логика определяется соотношением объективной реальности высказывания”¹. Однако, помимо неизбежных разногласий по поводу того, что же такое *смысл* вообще, здесь возникает и более специфическая проблема: те, кто пишет о полевых свойствах культуры и смысла, используют понятия поля, скорее, как метафору разной степени строгости.

И, тем не менее, на уровне конкретных исследований культуры эту проблему, в основном, игнорируют. Например, историки, археологи, культурные антропологи и другие специалисты выстраивают сравнительные и типологические ряды явлений и артефактов, не обращая внимания на громадную их разнесенность во времени и пространстве. Из кабинета ученого культура рисуется этаким проницаемым во всех направлениях гипертекстом, где тысячелетия и тысячи километров — не помеха для прямой преемственности форм, стилей, традиций, технологий. К примеру, верхнепалеолитические “венеры” появляются, исчезают и затем вновь появляются в разных ареалах и в разное время, т.е. в условиях, явно исключающих “классическую” (говоря физическим языком) форму передачи традиции.

Но каким образом те или иные сообщества, “не сговариваясь”, транслируют свой культурно-исторический опыт на пространственно-временные дистанции, явно недоступные для локальных форм коммуникации? Такой вопрос даже не ставится. Завороженные несомненным типологическим сходством артефактов, мифов, традиций, социальных институтов и т.д., исследователи понимают их типологическое родство как нечто естественное, само собой разумеющееся — будто создатели

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

**Пелипенко
Андрей**

Анатолевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Московского психолого-социального университета. Постоянный автор журнала. E-mail: demoped@yandex.ru

¹ Сергеев Д.В. Онтология культурного смысла. Новосибирск, 2009. С. 95.

всего этого пребывали в некоем общем культурно-смысловом пространстве. Если же вопросы все же возникнут, то наготове дежурный ответ: в сходных условиях формируются сходные культурные формы. Или на более наукообразный лад: совпадение общих и частных законов обуславливает пространственно-временной изоморфизм культурных феноменов.

Возможно, к некоторому узкому классу явлений это объяснение подходит. Но как объяснить доходящую порой до почти полной идентичности однотипность культурных форм в обществах, живущих в совершенно разных условиях, или устойчивость стереотипных социально-психологических реакций и поведенческих программ у совершенно разных народов? Ведь, если, к примеру, наука не обнаруживает “ген рабства” (которого, скорее всего, действительно нет), то как передается из поколения в поколение рабская или какая-то иная социальная психология? Обычно исследователи-эмпирики объясняют возникновение тех или иных культурных форм каким-то уникальным сочетанием факторов. Но куда девается эта уникальность, когда данная форма начинает распространяться на территории с совершенно иными условиями и факторами? К примеру, если выводить христианство из уникального сочетания иудейской пророческой традиции, эллинистической философии и образования и некоторых других факторов, то как объяснить его широчайшее распространение у народов, где ничего этого не было и в помине? Если передневозосточный неолит — это уникальное следствие эко-климатических условий, в которых оказались носители натуфийской или близкой ей культуры, то почему он не только распространился, но и на тысячелетия закрепился там, где эко-климатические условия, не говоря уже об этно-культурном гумусе, были совершенно иными?

Подобный вопрос возникает уже применительно к самому антропо- и культурогенезу. Что является носителем кумулятивной динамики, если культурный опыт, как известно, генетически не наследуется? Объяснение культурогенеза как результата обмена опытом в ходе социальной коммуникации тоже не проходит: связанные эволюционной преемственностью первобытные микросоциумы в большинстве случаев меж собой не контактировали.

Иногда уход от вопроса ретушируется невнятным выражением — “*диффузия идей*”. Так, к примеру, “объясняют” возникновение хозяйственной стратегии domestikации животных в Египте, куда она, гипотетически, проникла из Передней Азии². Вопрос, однако не в том, имело ли место в данном случае прямое заимствование или нет, а в том, что распространение культурного опыта на таких территориях и у таких народов, где породившие этот опыт условия либо представлены очень слабо, либо вовсе отсутствуют, — универсальное явление. Его одного достаточно, чтобы не только увидеть несостоя-

² Ламберг-Карловски К., Саблов Дж. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992. С. 127.

тельность объяснения системных характеристик культуры на основе факторного анализа, но и осознать недостаточность общих представлений о чисто классической локальной природе трансляции культурного опыта.

Итак, налицо проблема: в культурах ясно наблюдается трансляция опыта в обход как генетических, так и локально-классических каналов. Необходимость понять природу этого способа трансляции ощущается уже давно и остро. Но есть ли такое объяснение? Интерпретация феномена однотипных смысловых форм у сообществ, разделенных непреодолимыми пространственно-временными дистанциями, с помощью *теории архетипов* не столько проясняет проблему, сколько еще больше ее запутывает. Ведь онтология архетипа — до сих пор тайна за семью печатями, и из-за этого апелляции к юнгианству почти всегда имеют более или менее выраженный мистический привкус. Не свободна от этого привкуса и трансперсональная психология, которая подошла к постановке названной проблемы ближе всех, но никогда не обсуждала ее в культурологическом ключе.

Иногда вдумчивый анализ вплотную подводит историков и археологов к догадкам о полевом характере трансляции культурного опыта, что побуждает их к поистине трогательным в своей непосредственности догадкам: “Идеи имеют крылья, и в III тыс. до н.э. в Западной Азии в воздухе носилась идея цивилизации. В умах основателей Инда существовала, пусть абстрактная, модель цивилизации”³. Вот так: абстрактная идея. Дальше идти бояться, да и просто не могут: позитивистская методология клеймит и осмеивает любые “абстрактные идеи” как мистические, антинаучные и вообще несерьезные, не понимая, что до тех пор, пока “не абстрактным” и вообще существующим считается лишь то, что можно “пощупать”, измерить, и строго описать, о подходе к решению теоретических вопросов не может быть и речи.

Объяснения, удовлетворяющего всем требованиям рационалистической доказательности, я представить не могу. Но есть гипотеза. Состоит она в том, что Культура вообще, и локальные культурные системы в частности, в глубинной своей онтологии представляют собой *полевые образования (структуры) в числе свойств которых — способность к нелокальным взаимодействиям*.

Но в каком смысле здесь можно говорить о поле: в прямом или метафорическом? Если в прямом, т.е. естественнонаучном, то тогда культура должна обладать свойствами физических полей: гравитационных и электромагнитных. По-видимому, культурное поле такими свойствами не обладает. Если же допустить, что возможен некий паллиатив между прямым и метафорическим пониманием поля — метафорическое понимание с элементами относительно прямых соответствий или аналогий по отдельным признакам, — то концепт культурного поля мож-

³ Wheeler M. Early India and Pakistan. N.Y., 1959. P.104.

но признать вполне правомерным: ведь утвердился же, наконец, в науке термин *биополе* (речь разумеется, не о паранаучном понимании этого термина). Для этого требуется принять более широкое, нежели физическое, определение поля, которое в самом обобщенном виде может быть обозначено как некая *среда, в которой действуют определенного рода силы и излучения*. При этом природа и функции этих сил и излучений вовсе не обязаны укладываться в законы гравитационных или электромагнитных полей, хотя некоторые параллели вполне возможны.

Не стану останавливаться на близких и дальних предтечах и родственниках возможной теории *культурного поля* — от платоновых эйдосов и Плеромы гностиков до философских интуиций Б. Рассела и А. Бергсона и физиков — Э. Шредингера, В. Гейзенберга, Д. Бома. Сюда же примыкают и теории, в совокупности тяготеющие к концепции “семантического космоса”: В.В. Налимова, Р. Пенроуза⁴ и некоторых других. А уж “дальних родственников” — от философов-идеалистов до основателей трансперсональной психологии — вообще трудно даже перечислить. Но можно ли сказать, что концепт культурного поля имеет под собой твердую естественнонаучную основу? В настоящее время — еще нет. Но некоторые точки опоры уже просматриваются. Полевые свойства биосистемы — материнской системы для Культуры, получили еще со времен Любищева и Гурвича права гражданства в науке⁵. То же относится и к полевым проявлениям активности мозга — связующего звена между био- и антропосистемой.

Одно из направлений исследований — синергетические механизмы автокорреляции молекулярных структур мозга в контексте термодинамики необратимых процессов. Так, согласно И. Пригожину, в равновесном состоянии молекулы ведут себя независимо, как бы игнорируя друг друга. Такое состояние автор назвал *гипнонами*, или сомнамбулами⁶. С переходом в неравновесное состояние гипноны возбуждаются, их взаимодействие становится когерентным, самосогласованным. Впрочем, “само” или не совсем “само” — это еще вопрос. Однако в любом случае мозг как молекулярный ансамбль, находящийся в неравновесном состоянии, приобретает полевые свойства. Такие, например, как усиление слабых сигналов разной физической природы при сохранении предельно низкого уровня собственных шумов. К сходным выводам, хотя и на ином экспериментальном материале, приходил и нейрофизиолог К. Прибрам.

Идея культурного поля корреспондирует со множеством концепций, теорий и представлений, разнящихся как по своему содержанию, так и по методологии и научной валидности. Одни авторы строят свои рассуждения в философской плоскости, другие — на основе естественных наук, где мост в гуманитарную сферу перебрасывается, главным образом, посредством

⁴ Пенроуз Р. Новый ум короля. М., 2003.

⁵ Журнал уже обращался к этой теме. См.: Климов В.

А. Любищев и проблемы органической формы (1991. № 2).

⁶ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 2000.

С. 165.

наук психологических. Даже краткий обзор представлений о пресловутом “коллективном разуме” (био- и социоглоонных полях и т.п.) и соотносимых с ним концептов, предмет которых можно так или иначе представить в виде проявления культурных полей, потребовал бы многих страниц.

Обобщая огромный массив материала, так или иначе свидетельствующего о полевом характере Культуры вообще и локальных культурных систем, в частности, а также критически переосмысливая предлагаемые интерпретации этого явления, попробую обозначить несколько главных постулативных позиций. Некоторые могут быть в той или иной мере подтверждены экспериментально, другие — лишь косвенно, по вторичным проявлениям. Большинство этих проявлений ускользают из “научной картины мира” и подтверждаются лишь суммой своих опосредованных проекций. Однако, когда речь заходит о постулативных теориях, недостаток прямых рационалистических доказательств, предоставляемых в соответствии с установленными “правилами игры”⁷, окупается расширением объяснительных возможностей. Иными словами, концепт культурного поля, не будучи при современном состоянии науки в полной мере экспериментально доказан, подтверждает свое право на существование тем, что способен объяснять явления и феномены, которые признанные теории объяснить не могут или объясняют неполно и неудовлетворительно.

Итак:

- Все эволюционирующие системы во Вселенной обладают полевыми свойствами. В этом утверждении нет ничего экстравагантного: достаточно вспомнить хотя бы то, что было признано еще в середине прошлого века: вещество есть не что иное, как сгусток поля.

- Культура, сопрягаясь с биосистемой, также проявляет полевые свойства. “Физическую” основу культурного поля можно представить как незримое пространство интенционально-энергетических потенциалов, пребывающее в постоянном самоизменении: перетекании, преобразовании этих потенциалов из сильных в слабые и наоборот. Изменения инициируются характером *нелокального ментального взаимодействия* человеческих индивидуумов — носителей нейродинамических систем, способных к продуцированию смыслов. В частности, переживание и осмысление группой людей некой таковости генерирует соответствующую психическую матрицу. Ее интенционально-энергетический потенциал в той или иной мере обладает свойствами нелокальности и потому способен транслироваться во времени и пространстве, считываться другими индивидуумами и группами и оказывать воздействие на их ментальную сферу. Культурные же практики — суть опредмечивание, овнешнение, актуализация этих матриц. Стоит ли в этой связи вспоминать бесчисленные примеры и описания того, как инновационные идеи вспыхивают в сознании-приемнике, будто посту-

⁷ А правила эти установлены так, чтобы в любом случае не видеть того, что заранее не санкционировано механистическим дискурсом.

пая в него извне в виде уже полностью завершенных моделей и образцов?

- Энергии полевых процессов и взаимодействий в разных системах различаются не только количественно, но и качественно. Обладая разной “структурой”, эти энергии эволюционируют вместе с их системами-носителями от более сильных и “грубых” до более слабых, но “тонких”. Вообще, *структура энергии напрямую зависит от онтологии ее носителя*. Это обстоятельство и обеспечивает “ускользание” эволюционирующих систем от нарастания энтропии в соответствии с неумолимым вторым началом термодинамики, хотя на этот счет в эволюционных теориях, разумеется, существует множество точек зрения.

- Полевые образования различаются, прежде всего, характеристиками действующих в них энергий, которые в смыслогенетической теории соотносятся с *интенциями*. Структура культурного поля включает в себя сеть ячеек-носителей, преобразующих простые и менее организованные формы энергии (интенционально-энергетические потоки) в излучения культурно-смысловой индукции. Единичной ячейкой преобразования выступает человек как носитель ментально-психического аппарата смыслогенеза, включая и нейродинамическую основу данного аппарата. При этом человеческая психика/ментальность вступает и излучателем, и приемником интенционально транслируемых импульсов и сигналов культурного поля.

- Гомогенность пространственно-временного континуума — не универсальная данность, а всего лишь модус сущего, тогда как другой модус — полевой — проявляется в его (континуума) *гетерогенных свойствах*.

- Гетерогенность полевого континуума культуры проявляется в различении потенциалов воздействия *смысловой интенциональной индукции* в разных пространственно-временных точках континуума. Слово “смысловой” требует пояснения: хотя структурной единицей культуры является смысл, сами смыслы в двуединстве своих интенционально-энергетических и семантико-семиотических модусов *не транслируются*. В большинстве случаев по незримым каналам культурного поля передаются не сами смыслы в их семантико-семиотическом оформлении, но лишь некоторая *предрасположенность к их образованию*. Поэтому, говоря о *содержании* культурно-полевых импульсов, следует помнить, что речь может идти лишь о некоем *субстрате*, который адресату предстоит оформить в виде *смысла*.

Итак, характеристики культурного поля, равно как и само содержание интенционально-смысловой индукции, определяется индивидуальными и/или групповыми *ментальными настройками*. Они же определяют и функциональный режим участия человека в формировании специфического поля своей локальной культурной системы, в конфигурировании излучающих или принимающих инстанций⁸. В действительности субъ-

⁸ Примечательно, что взгляд на человеческий мозг как на своеобразный фильтр, защищающий его от неких как сказали бы сейчас, трансперсональных психических воздействий, был присущ еще Н.И. Пирогову.

ект культуры всегда является одновременно и тем, и другим: разнятся лишь соотношения этих функций.

Культурное поле постоянно самоструктурируется. Количественные и качественные различия в плотности поля, в интенсивности и самом “содержании” смысловой индукции, а также разброс ее векторов позволяют применять к его описанию такие характеристики, как *центр и периферия*. В культурной эмпирии проекция отношений центра и периферии предстает в виде паутины своеобразных смысловых узлов, “аттрактивных” семантических конструкторов, которые “притягивают” и организуют вокруг себя смысловую периферию. Потому и принято считать, что коллективные “архетипические идеи” и соответствующие им культурные формы живут своей самостоятельной жизнью, воздействуя на человеческую ментальность.

Со структурированием культурного поля тесно связан подробно описанный нами ранее, в том числе на страницах “Человека”⁹, феномен *партиципации* — экзистенциального природнения. Акт переживания сопричастности с необходимостью порождает концентрацию интенционально-энергетического потока: возникает некий интенциональный сгусток, резонирующий в нейродинамической системе человека особым спектром волнующих и неизменно положительных ощущений. Вообще, акт партиципации — это отправной момент структурообразования в культурном поле: с него начинается “перераспределение” и инновативное упорядочение “распыленных” интенционально-энергетических пучков и потоков.

* * *

Все названные положения имеют самое непосредственное отношение к формированию нового понимания культуры, к которому уже не раз устремлялась мысль самых разных авторов, от К.-Г. Юнга до Б.Ф. Поршнева. Последний не случайно придавал огромное значение феномену *суггестии*, указывая на “некую тесную связь перволюдей с окружающим животным миром, какую нынешний человек не может себе и представить”¹⁰. Именно эта “невозможность представить” какие-то иные, отличные от наших, ментальные конфигурации настройки мешает адекватно осознать полевого модуса культуры. А ведь такие, к примеру, явления как гипноз, ясновидение и т.п. — это всего лишь видимая часть гигантского айсберга скрытых от сознания культурно-полевых взаимодействий.

Искать под внешней фактичностью локальной культурной системы ее скрытую полевою основу — задача невероятно сложная и неблагоприятная: здесь неизбежен конфликт с установленными в академической науке правилами игры. К тому же методы такого рода археологии полевых оснований культур пока совершенно не разработаны. Делая первые шаги в этом

⁹ См., в частности, Пелипенко А.А. Генезис смыслового пространства и онтологии культуры. 2002 // Человек. 2002. № 2; его же. Как мы эмигрировали из природы // Человек. 2008. № 2.
¹⁰ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 353.

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

¹¹ Необходимо пояснить отношение к употреблению термина “информация”. Какие только прорехи в знании не прикрывают этим размытым термином, без которого, кстати сказать, научно-философская мысль до XX века прекрасно обходилась. В современном же дискурсе “информационная” лексика стала подозрительно навязчивой, “универсальной” и безграничной в своих претензиях. “Информационные подходы” применяются решительно ко всему. И почти везде — вместо углубленного понимания — его имитация. Подразумевается, что слово “информация” с его многочисленными производными само по себе что-либо проясняет. “Информационный космос”, “информационные потоки”, “информационный обмен”, “информационные взаимодействия” и т.д. и т.п. — все эти определения очень удобны для обозначения ситуаций, когда что-то с чем-то контактирует или взаимодействует, отставляя в результате какие-то следы или изменения. Но понять суть этих процессов информационная лексика сама по себе несколько не помогает. Она лишь наклеивает на непознанный феномен терминологический ярлычок,

направлении, важно не поддаваться искушению свести формирующийся концепт культурного поля к уже имеющимся в философии, теологии и мистике концептам типа “коллективного ума”, “Вселенского Разума”, “семантического космоса” и т.д. И не потому, что они плохи сами по себе, а потому, что исследовательские задачи теории культуры требуют иного, особенного подхода и, соответственно, собственных терминов.

Но самый важный вывод из признания существования культурного поля — наличие в культуре системы связей (сознательно не использую слово “информационных”¹¹), действующих в обход локальных (классических) каналов. И эту систему пора включить в круг основных тем анализа любых локальных культурных систем. Концепт культурного поля позволяет ввести в оборот категориальную для культурологического анализа пару: *интенция* — вектор, энергичная направленность на “вызывание” той или иной бытийственной определенности и *форма* — явленность этой определенности, ее онтологический слепок в пространственно-временном континууме¹². Отсюда — двойственная природа всякой формы: будучи слепком, проекцией интенционально-энергичного вектора, она сохраняет восходящую к квантовым уровням причастность к нелокальным полевым процессам и взаимодействиям, т.е. к всеобщему, холономному, универсальному. Но при этом границы формы фиксируют ее особенные и единичные определения и локализуют в пространственно-временном измерении. Поэтому вещам присуще *неизбывное внутреннее напряжение*. Оно вызвано “неудовлетворенностью” глобальных эволюционных векторов (это понятие подробно раскрывалось нами ранее) любыми локальными формами своего воплощения в той или иной эволюционной системе. Напряжение это, стало быть, — явление глубинное и объективное, и человеческая ментальность лишь переводит его в смысловую модальность. Потому человек и стремится всегда заглянуть за пределы вещи, увидеть за всякой формой нечто большее, чем она сама или, иными словами, партиципироваться не к конечной определенности, а к бесконечной интенции. А это — прямое участие в полевых процессах, которое принято связывать со стремлением человека к трансцендированию. Одно из наиболее явно концептуализованных проявлений борьбы начал под эмпирической “оболочкой” формы (а в этом качестве может выступать и знак, и действие, и вообще, все, что является *конечным* носителем смысла) выражается в противостоянии *архетипического* и *эктипического*, в терминах Канта. Юнговское психоаналитическое понимание архетипа в данном случае — одно из возможных производных от кантовского философского. Не уводя разговор в область философской критики, отмечу: все, что в широком смысле связывается с трансцендированием, имеет прямое отношение к фиксации ментальностью своей вовлеченности в культурно-полевые процессы.

Полевые свойства культуры обязаны своим существованием одной исключительной особенностью человеческой психики — способности намеренно (хотя бы и в подсознательном режиме) фокусировать генерируемые и излучаемые мозгом интенциональные потоки и направлять их в определенном направлении или в определенную пространственно-временную точку. Энергии этих ментальных интенций вполне хватает не только для мощной суггестии, но и для формирования самой онтологии культурных феноменов в их, так сказать, объективном модусе. Иными словами, культурное сознание само творит культурную реальность, что придает культуре не только свойства саморазвивающейся системы, но и статус субъекта.

Все эти рассуждения о полевых свойствах культуры — не отвлеченная игра ума и схоластическое теоретизирование. Они подводят нас если не к решению, то, по крайней мере, к гипотезе относительно двух исключительно важных проблем. Первая — прямое участие структур ментальности в формировании наличной реальности культуры, вторая — наличие нелокальных каналов трансляции смысловых субстратов культурного опыта. Если первая проблема носит, скорее, отвлеченно-академический характер, то о второй этого не скажешь. Необходимость хоть как-то объяснить исключительную устойчивость тех или иных культурно-психологических стереотипов, моделей и форм культурного поведения, а также прихотливую избирательность их исторического распространения назрела уже давно. Полумистические образы “духа народа” и т.п. давно не в моде, а разговоры о том, что квинтэссенция культурного опыта “оседает в генах”, не находя научного подтверждения и остаются необязательной метафорой. Обращение к юнговскому объяснению архетипа как результата бесконечно долгого повторения одинаковых мыслей и действий ничего, по сути, не проясняет: остаются неясными как причина, побуждающая человека к этим повторениям, так и “проклятый вопрос” о каналах трансляции. Подозреваю, что в рамках традиционного сциентистского подхода этот вопрос неразрешим вообще. Но, в любом случае, феномен *трансперсональности* концепт культурного поля прояснить способен.

В чем же суть полевой гипотезы? Опираясь на сказанное выше, попробую сформулировать ее в виде кратких тезисов.

Культурное поле надстраивается над полями материнских систем — неорганической и биологической — и оперирует потоками более слабых, но более тонких и сложно структурированных энергий, нежели те, что действуют в материнских системах, свойства которых оно частично ассимилирует. Это своего рода сектор или модус более универсальной полевой структуры, охватывающей также и материнские для культуры системы: абиотическую и биологическую. Примеры индуцирующих воздействий этого поля в биосистеме — социально согласованные, будто извне организованные, и вообще “слишком

А. Пелипенко
Культура
как полевое
образование

создающий иллюзию понимания. И это притом, что само понятие информации имеет множество определений. Информация предстает то феноменом, то процессом, то тем, и другим одновременно. В моем понимании единственный класс ситуаций, о которых можно без натяжек говорить как о ситуациях информационных — это когда налицо следующие компоненты: отправитель информационного сообщения, его адресат-получатель, содержание сообщения, код сообщения и его физический носитель. Там где этих компонентов нет, ни о каких информационных процессах говорить нельзя. Потому вполне можно и нужно(!) обходиться без путаной и бессодержательной лексики, уводящей от понимания сути процессов: слишком удобно объяснять информационными процессами все и вся, не проясняя вопроса о природе и сущности этих процессов. Там, где придется обращаться к концепциям, оперирующим информационной лексикой, буду стараться заменять “информационный подход” чем-то иным в зависимости от контекста.

¹² Как тут не вспомнить гегелевское определение качества как непосредственно тождественной бытию предмета определенности.

разумные” действия живых организмов. Биологи привычно объясняют это проявлением инстинктов. Но это — не объяснение. Все существующие на сегодня теории инстинкта зашли в тупик, и сам этот термин так и остается иероглифом, не содержащим никакого объяснения. В книге М. Кучинского¹³ наглядно показано, как сложнейшие программы поведения животных, в частности, птиц, никак не могут быть объяснены редуцированием их к инстинктивным “прописям”. Не менее впечатляет и поведение амёб, не имеющих ни центральной нервной системы, ни органов памяти, но выполняющих, тем не менее, сложнейшие социально-иерархические действия. То же — о муравьях, рыбах, моллюсках, не говоря уже о высших млекопитающих.

Но очевидный эффект наводимой извне индукции почему-то упорно игнорируется. Складывается впечатление, что большинство исследователей готовы принять *любое иное* объяснение, кроме полевого. Чаще всего авторы, в той или иной мере зараженные духом биологизаторства, вменяют животным свойственную человеческой ментальности, в частности, способность к логическим операциям. Так, зачатки транзитивной логики обнаруживают не только у крыс¹⁴, но даже у рыб¹⁵. Акцентируя когнитивные навыки, в которых те или иные животные превосходят человека, биологизаторы не упускают случая козырнуть высказыванием Дарвина о том, что различия между мышлением человека и животных имеют не столько качественный, сколько количественный характер. Здесь мы наблюдаем присущую многим ученым-эмпирикам узость методологического горизонта. Если, по Гегелю, “каждый видит только то, что способен понять”, то здесь каждый находит только то, что ищет, и интерпретирует найденное в заранее предпосланном виде. Желая обнаружить в животном мышлении логику, исследователь просто не видит, что животные не строят никаких каузальных цепочек и пропозициональных структур, а просто *считывают их элементы* (прежде всего, конечный элемент) *из некоей психической матрицы*. Такая модель не приходит исследователям в голову, поскольку они в принципе не допускают мысли, что к нужному результату можно прийти иначе, нежели логическим путем. Таким образом, “человеческое, слишком человеческое” экстраполируют на психику животных, чье поведение затем истолковывается в категориях мышления и поведения человека.

Напротив, смыслогенетический подход утверждает, что когнитивные способности любого живого существа зависят от режима считывания психических матриц (или энграмм). Режим считывания определяется, прежде всего, четырьмя факторами: силой и характером исходящего сигнала, структурой принимающего устройства, т.е. филогенией психики (для человека — и ментальности), индивидуальными психо-ментальными настройками и локальным психо-интенциональным кон-

¹³ Кучинский М. Жизнь — это мысль. Варшава, 1997.

¹⁴ Blaisdell A.P., Sawa K., Leising K.J., Waldman M.R.

Casual Reasoning in Rats // Science. V. 311. 2006. P. 1020–1022.

¹⁵ Gronsenick I., Clement T.S., Fernald R.D. Fish can infer social rank by observation alone // Nature. 2007. V. 445. P. 429–432.

текстом — уровнем помех и проницаемости психической среды. При этом человек *качественно* отличается от животного не содержанием и сложностью своих поведенческих программ как таковых, а *самим способом считывания психических матриц*. Вернее, тем, что человеческая психика, превращаясь в ментальность, выдает “на выходе” считывания. Специфически человеческий способ считывания, который сформировался вследствие *эволюционной болезни* в антропогенезе¹⁶, предполагает совершенно особенный способ дискретизации интенциональных потоков и формирование совершенно не присущей животному психизму когнитивной формы — *смысла*. Способность к порождению смыслов не есть *универсальное преимущество* человеческого мышления над животным и не сводится ни к логике, ни к оперированию знаками. Более того, уровень интеллекта сам по себе не является достаточным условием смыслообразования: ни способность к абстрагированию, ни “понимание” чужих поступков (theory of mind), ни способность предвидеть поведение других, ни основы каузальных зависимостей или зачатки пропозициональной логики, ни объем рабочей памяти, ни навыки оперирования орудиями — сами по себе не порождают смысловых структур. Вот почему так легко купиться на внешнее сходство животного и человеческого поведения и сделать глубокомысленный вывод об отсутствии качественной границы между человеком и животным.

Способность к смыслопорождению — не “ошибка природы” и не воля провидения. Это — ответ на эволюционный вызов. Не больше и не меньше. Но вызов не горизонтального, адаптивистского эволюционного направления, а эволюции вертикальной, выводящей на новый системный уровень. Ни одна новообразованная эволюцией система не наследует свойства и эволюционные наработки материнской системы в полной мере. Так и человек, становясь человеком, “взял с собой” далеко не все приобретения животной когнитивности, которые “могли бы пригодиться”. Более того, именно утрата многих из них стала прямым условием очеловечивания. Поэтому следует раз и навсегда избавиться от иллюзии, что развитие человеческой когнитивности начинается с той точки, где завершается развитие животной. Здесь мы имеем дело не с линейным процессом кумуляции сложности, ее простого количественного роста. Даже самые простые, по сравнению с фигурами животной когнитивности, смысловые конструкции соответствуют принципиально *новому качеству* интенциональных потоков и, соответственно, более тонким, хотя и более слабым энергиям. Смысл — носитель энергии, творящей не физическую, но культурную реальность — базовое условие и предпосылка *направленного, избирательного* структурного (но не *синкретического*, как у животных) усложнения фигур мышления и поведения, отделяющих человека от животного, а Культуру от биосистемы.

¹⁶ См.: Пелипенко А.А. Как мы эмигрировали из природы.

¹⁷ Разъяснения насчет различия универсальных и статистических законов см., напр., у Р. Карнапа: “Вместо того чтобы утверждать, что регулярность встречается во всех случаях, некоторые законы утверждают, что она встречается только в определенном проценте случаев. Если этот процент указывается или если каким-либо иным образом делается количественное утверждение насчет отношения одного события к другому, то такое утверждение называют “статистическим законом”. Например, “зрелые яблоки — обычно красные” или “приблизительно половина детей, рождающихся в каждом году, — мальчики”. Оба типа законов — универсальные и статистические — необходимы в науке”. Карнап Р. Философские основания физики. Введение в философию науки. М., 1971. С. 39.

Помимо вышеназванных свойств, интенциональные потоки имеют также и *субстрат* — *культурно-смысловое содержание*. Его можно представить в виде шкалы онтологических состояний, различающихся степенью своей семантико-семиотической проявленности в ментальности человека (группы).

Степень же проявленности зависит от таких факторов, как сила и плотность исходящего интенционального импульса, уровень проницаемости культурно-полевой (интенциональной) среды и “настройки” адресата — принимающей ментальной системы. Поэтому, конкретность транслируемых смысловых субстратов варьируется в зависимости от названных факторов от самых общих и смутных интуиций до прямой и конкретной передачи смысловых конструкций.

В связи с подвижностью, неустойчивостью названных факторов к проявлениям культурного поля нельзя применять критерии верификации, применяемые к физической и биологической системам. Если относительно последних можно говорить преимущественно об универсальных законах, то в случае культурного поля — только о статистических¹⁷. Поэтому воздействия культурного поля всегда *неравномерны и избирательны*. В зависимости от комбинации факторов они могут либо восприниматься с разной степенью глубины и силы, либо отторгаться, либо вовсе не фиксироваться ментальностью и проходить незамеченными.

Культурно-полевые образования имеют еще один важный параметр: *характер и степень связанности* с различными эмпирическими реалиями. Любой смысловой конструкт, артефакт, территория и, наконец, сам живой организм могут выступать “якорями”, которые “связывают” энергию культурно-полевых образований и аккумулируют в себе их интенциональные потенциалы. Самым эффективным якорем является, разумеется, человеческий индивидуум (группа), поскольку только нейродинамическая система человека способна связывать наиболее сложные культурно-полевые образования без ущерба для их потенциалов и без их редукции. Причем этот “антропный фактор” по ходу истории усиливается. Если, к примеру, в первобытности психические матрицы культурного поля могли почти с равным успехом “привязываться” к месту, предмету, событию, телу животного или человека, то по мере исторического становления человеческой самости его ментальность все более становилась не только вместилищем и передающей инстанцией, но и самостоятельным генератором культурно-полевых интенций.

Физические каналы трансляции культурно-полевых воздействий ясно проследить пока невозможно. Но об “оседании” в генах явно говорить не приходится. Геном, несомненно, предопределяет предрасположенность к рецепции некоего спектра культурно-полевых воздействий. Не больше и не меньше. Но вряд ли именно эта предрасположенность ориентирует че-

ловека/группу на следование тем или иным культурным образцам “при прочих равных” или даже при активном противодействии социальной среды. Никто специально не вдалбливает в головы детям их “детскую мифологию” и “детский фольклор”, вплоть до “архетипических ролевых игр” и страшилок. Для непредвзятото взгляда совершенно ясно, что здесь перед нами не научение в привычном смысле, предполагающее усвоение готовой внешней семантической формы, а интуитивное считывание культурно-полевой матрицы, когда детское сознание просто стихийно подбирает в окружающем семантическом пространстве минимально подходящую форму-оболочку для воплощения властно захватывающей ментальности программы. То же происходит и по достижении следующих возрастных стадий.

Концепция культурного поля подталкивает к формулировке “основного вопроса культурологии”: как корреспондируют между собой когнитивные схемы человека и надчеловеческие ментальные конструкции культуры, в которых индивидуум или группа выступают лишь элементом в системно-сетевой организмической структуре? Каков бы ни был ответ на этот вопрос, концепция культурного поля, несмотря на ее недостаточную доказанность, способна объяснять феномены, которые в рамках классических подходов не объясняются.

НОВЫЕ КНИГИ

- Кроули К.* Следующие 50 лет: Как обмануть старость / Пер. с англ. 3-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2012. 415 с.
- Кузин С.* 101 совет, как отвечать на провокационные вопросы. М.: Альпина паблишер, 2012. 54 с.
- Кузина С.В.* Мозг врёт! Тайны мозга: Знаем мозг — управляем собой. М.: АСТ, Астрель, 2012. 352 с.
- Кукушкина Е.И.* История социологии: Учебник. 2-е изд., испр., доп. М.: ИНФРА-М, 2013. 464 с.
- Лапшина Г.С.* Женское лицо русской журналистики. М.: МедиаМир, 2012. 282 с.
- Леонтьева Л.* Путеводитель по буддизму: Иллюстрированная энциклопедия. М.: Эксмо, 2012. 256 с.: ил.
- Лифляндский В.* Рацион долгожителя. СПб.: Амфора, 2012. 47 с.: ил.
- Ллойд Дж., Митчинсон Дж.* Книга всеобщих заблуждений / Пер. с англ. М.: Фантом Пресс, 2012. 384 с.
- Лонин А.В.* Лучшие люди как социальный авангард российского общества: Монография. Красноярск, 2012. 144 с.
- Лукина О.А.* Бизнес и/или свобода. М.: Магистр, ИНФРА-М, 2012. 304 с.

 с. 39